

ОБРАЗ ФАНТАЗЁРА И ТРИКСТЕРА В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

Старостин К.А.,

Научный руководитель Ковтун Н.В.

Сибирский федеральный университет

В зрелых рассказах В.М. Шукшина главный герой – почти всегда человек сомневающийся, «маргинал, утративший «своё», родовое пространство, но не успевший освоиться в условиях цивилизации, томящийся по истинному – празднику души. Внутренняя неуверенность и заставляет героя глумиться над собой, над жизнью, которая не удовлетворяет. Отсюда – странные поступки персонажей, бунт. Бунт у шукшинских героев беспощаден, но не лишён смысла, они бросают вызов привычному, и вместе с тем желают обрести душевную гармонию, «праздник души». Современный человек, лишённый защиты традиции, рода и веры, вынужден теперь в каждый момент бытия доказывать равность избранному пути. Единоборство с судьбой не всякому по плечу, отсюда внимание автора к героям-богоборцам и их комическим двойникам – трикстерам, предпочитающим открытому бунту клоунаду, фокус.

Тема трикстера в современно литературоведении недостаточно раскрыта. К. Г. Юнг, основоположник самого понятия «архетип», не до конца прояснил всю противоречивость природы трикстера. Но тем дал возможность другим исследователям раскрыть это понятие – над таким феноменом человеческой психики, как трикстер в разное время работали Н.В. Ковтун, Д.А. Гаврилов, В.Н. Топоров.

Игра становится для шукшинских героев неким спасением, с её помощью они выживают. Только играют персонажи по-разному. Для одних игра это ритуал, некий свод правил, имеющий сакральный статус (Пугачёв, Разин). Утрата канонами прежних функций оборачивается самозванством, бунтов, что отражено в рассказах «Верую!» «Охота жить», «Леся» и пр. Есть игроки-фантазеры и игроки - «ерники». Фантазёры не упускают ни единой возможности ускользнуть в сказку, им так и хочется устроить себе праздник (рассказы «Алеша Бесконвойный», «Миль пардон, мадам!», «Вечный двигатель» и др.). Фантазии персонажей, как правило, не связаны с идеей отрицания/преобразования наличного бытия, здесь важнее эффект самоустроительства души. Если фантазёры только играют, то трикстеры готовы окончательно предать собственное я.

Все старания и усилия фантазёров, прежде всего, связаны со стремлением расширить границы скудного настоящего, однако они никогда не перерастают в отрицание действительной жизни. Так Бронька Пупков из рассказа «Миль пардон, мадам!» охотится на Гитлера, а Костя Валиков («Алеша Бесконвойный») предается думам.

Истории фантазёров индивидуальны, в них множество экзотических деталей, поражает сюжет. Герои легко сочиняют в состоянии опьянения, когда хмель освобождает от сковывающих пут формальностей и проявляется подлинная широта природы. Так, например, Бронька Пупков из рассказа «Миль пардон, мадам!», подвыпив, начинает вспоминать свою охоту на Гитлера. Вообще Бронька – классический

фантазёр. Приезда городских охотников он ждал, как праздника. А когда они приходили, «он был готов – хоть на неделю, хоть на месяц» [Шукшин,1999. С. 204]. На водку городские не скупались, иногда даже деньги Броньке давали. Он тоже не забывал их благодарить, только весьма по-своему – «в самый последний день, когда справляли отвальную, Бронька приступал к главному своему рассказу» [Шукшин,1999. С. 205]. Этого дня он ждал с нетерпением, даже «с утра сладко ныло под сердцем» [Шукшин,1999. С. 205]. Жил фантазёр играючи.

«Я, стало быть, сын твой, а ты – тоже лавочник, лавок у нас с тобой две, но одну, мол, починить надо», – так у Леси из одноимённого рассказа В. М. Шукшина начинается иная жизнь. Начинается и спустя пару дней тут же заканчивается. Все поступки его и действия продиктованы бессознательностью, даже животных инстинктов у него нет. Отсюда – вся неуклюжесть, нелепость. Леся убил жену, «наказание для него выдумали диковинное» – ходить в церковь, отмаливать грехи. Даже там он без клоунады не смог – зевал демонстративно, «потешая дружков и молодых баб и девок».

Трикстер, как правило, другой, он совершенно не похож на обычного человека. Другое всё – тело, речь, одежда, поведение. Вот и Леся меняет закоренелые устои, поступает не так, как принято, а иначе. На вопрос Варлама «Чего же на ночь глядя ехать-то?» Леся отвечает: «Так надо». Так надо Лесе. Он хитер. План «захвата» невесты и приданого вообще идеален. Мужик даже приоделся ради такого случая. Правда, разок чуть было не «прогорел», но осёкся вовремя.

Способность к трансформации (из простого разбойника в держателя лавок) играет трикстеру на руку, теперь уже не приходится говорить «не ной моя косточка в сырой земле». Всё случилось, пошло так, как хотел Леся – сундук с приданным оказался у него. Но косточка всё же оказалась в сырой земле – разбойника убивают, причем, его же товарищи, с которыми не поделился вещами из сундука. А всё – жажда наживы. Даже воровал из-за этого. Никто помешать не мог – «управы на Лесю нету, власти далеко – не докричишься». Да только это никак не помогло ему разбогатеть – «изба у Леси была маленькая, кособокая... И никакого хозяйства, шаром покати. Городьбы даже никакой».

Ссылки:

1) В.М. Шукшин. Рассказы. – М.: «Слово», 1999.